

ВВЕДЕНИЕ

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Настоящая книга продолжает серию ежегодных изданий Института психологии РАН, посвященных психологическим аспектам морали и нравственности. Это четвертый сборник научных трудов данной серии.

С удовлетворением можно констатировать, во-первых, то, что эти издания стали регулярными, отражающими исследовательские усилия расширяющегося контингента отечественных психологов, которые профессионально изучают – с позиций своей отрасли психологической науки – проблемы морали и нравственности, во-вторых, то, что за последние годы психология морали/нравственности превратилась в одно из признанных и успешно развивающихся научных направлений отечественной психологии. Ее основными разделами, наиболее развитыми в настоящее время, являются: 1) общие психологические проблемы морали и нравственности; 2) социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных видов морали; 3) механизмы интериоризации моральных устоев и их трансляции на уровень индивидуальной нравственности; 4) нравственно-психологическое состояние современного российского общества; 5) морально-психологические основы негативных социальных явлений; 6) поиск путей повышения нравственного уровня личности, социальных групп и общества в целом.

Возможно, есть основания констатировать и формирование психологии аморального поведения, *психологии безнравственности* как области психологического исследования. Во-первых, в проводимых в современной отечественной психологии исследованиях приоритетное внимание уделяется не столько механизмам поддержания морали и нравственности, сколько психологическим факто-

рам их *нарушения*, различным формам девиантного – в отношении общепринятых нравственных норм – поведения. Во-вторых, как часто бывает при изучении психологических феноменов, психологические антиподы, такие как, например, оптимизм и пессимизм, счастье и несчастье и т. п., оказываются не различными полюсами одной шкалы, а феноменами, имеющими собственные (специфические) механизмы и самостоятельное значение. Безнравственное поведение, лежащие в его основе ценности, социальные установки, отношения и т. д. часто выступают не просто как соответствующие нравственные явления «со знаком минус», не как отсутствие нравственных начал, а как особая область феноменов, обладающих самостоятельным психологическим содержанием. Безнравственный человек, социальная группа или безнравственное общество представляют собой не просто человека, группу или общество, у которых редуцированы нравственные начала, а особые разновидности социальных субъектов, «нечто иное» (и гораздо худшее) как в социальном, так и психологическом плане.

Естественно, возникает вопрос о «практическом выходе» подобных исследований – прежде всего, о том, оказывают ли они какое-либо влияние на нравственное состояние нашего общества, содействуют ли как-то его улучшению?

С одной стороны, учитывая довольно скромное место, которое психологическая наука и практика занимают в современном российском обществе, в котором голоса юристов, экономистов и политологов звучат более громко и имеют намного больший общественный резонанс, нежели голоса психологов, казалось бы, пока трудно рассчитывать на их заметное влияние, сопоставимое с влиянием представителей названных социальных наук. С другой стороны, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а во взаимоотношениях любой науки и общества проявляется своеобразный принцип «параллельно-пересекающихся рядов». Ученые в основном работают на своем «поле»: проводят научные исследования, публикуют их результаты в научных книгах и журналах, лишь изредка выходя за его пределы путем выступлений в СМИ и т. п. А общество развивается своим собственным путем, который в современной России испытывает лишь минимальное влияние ученых и их научных представлений о путях его развития. Вместе с тем влияние науки на общество, даже на современное российское, не испытывающее перед ней прежнего пиетета, систематически недооценивается. Наука как своего рода идейная «кухня» человечества порождает идеи,

идеологемы, стратегемы общественного развития, которые самыми разными и трудно рефлекслируемыми путями проникают в общественное сознание, умы политиков, государственных деятелей и других влиятельных людей, изменяя состояние общественного сознания и трансформируясь в соответствующие мнения и действия, в частности, в принятие законов. В таких случаях трудно констатировать и тем более оценивать непосредственное влияние науки, но есть все основания говорить о ее *косвенном влиянии*, характеризующемся скрытыми механизмами, но подчас вполне зримыми результатами.

Разумеется, в подобных ситуациях у ученых возникает соблазн приписать себе общественные изменения, к инициации которых они в действительности имеют весьма косвенное отношение. Совпадение того, о чем пишут ученые, с тем, что делают, скажем, политики, не означает наличия *влияния*. Но все-таки его возможность нельзя совсем списывать со счетов, и людям науки подчас удается внедрять в общественное сознание идеологемы, которые вынуждают облаченных властью предпринимать соответствующие действия.

В отношении влияния научных публикаций о нравственности на нравственное состояние нашего общества, конечно, можно сделать и пессимистический вывод о том, что это состояние не улучшается, а то и ухудшается, несмотря на все старания ученых, в том числе психологов. И для такого вывода, к сожалению, есть веские основания.

По большинству показателей, выражающих морально-нравственное состояние общества, ситуация в стране остается неутешительной. Так, в 2011 г. в России было совершено 16,8 тыс. убийств (11,7 на 100 000 тыс. жителей), насчитывалось 88522 детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, что по-прежнему характеризует нашу страну как одну из самых неблагополучных в мире по этим показателям, имеющим непосредственное отношение к нравственному состоянию общества. Коррупция, в том числе в высших эшелонах власти, поражает своими масштабами и безнаказанностью. Все более прочные позиции в нашей стране завоевывают сторонники гомосексуальных отношений, а попытки законодательно воспрепятствовать хотя бы их пропаганде вызывают яростное сопротивление. Так называемое «нетрадиционное искусство» тоже шокирует демонстративным попиранием традиционных нравственных основ. Некоторые бытовые поступки наших сограждан, такие, как гомо-

сексуальные оргии у памятников жертвам войны, также бросают вызов этим основам.

Вместе с тем можно и важно разглядеть отдельные *оптимистические симптомы*: развитие, причем совершенно спонтанное, без какой-либо «указки свыше», волонтерского движения; еще не достигший таких размеров, как в западных странах, но все же достаточно значительный размах благотворительной деятельности (подчеркнем: в отличие от западных стран разворачивающейся в отсутствие каких-либо законов, ее стимулирующих); героическое жертвовање нашими согражданами своей жизнью ради спасения чужих жизней; вроде бы совсем прозаический факт, что наши водители наконец-то начали пропускать пешеходов, причем не только тогда, когда рядом находится инспектор ГАИ; и т. д. Отрадно и то, что наше массовое сознание постепенно начинает изживать внедренное в него в начале 1990-х годов восприятие свободы как отсутствия запретов и ограничений, приходит к пониманию того, что истинная свобода представляет собой прежде всего ответственное и регулируемое социальными нормами поведение.

Но, пожалуй, самое главное состоит даже не в этих отдельных признаках возрождения нравственности, а в том, что наше общество при всем разнообразии образующих его личностей, социальных групп и действующих в нем тенденций, *начинает осознавать прогрессирующую с конца 1980-х годов безнравственность как неприемлемую*. Это выражается и в возрастании численности наших сограждан, обращающихся к религии, и в принятии законов, направленных на ограничение влияния СМИ (в первую очередь, телевидения), негативное воздействие которых на нравственность общепризнанно, в борьбе властных структур и широкой общественности с такими явлениями, как детская порнография, проституция, педофилия. Результативность этой борьбы пока далека от желаемой, но, главное, она ведется все активнее, вовлекает все более широкие слои населения, хочется надеяться, назревает перелом в отношении нашего общества к безнравственности и ее наиболее радикальным проявлениям.

Разумеется, не все наше общество едино в подобных действиях и побуждениях. Почти каждое вопиющее проявление безнравственности, имеющее большой общественный резонанс, такое, как, например, «поп-молебен» в Храме Христа-Спасителя, поляризует наш социум, демонстрирует, что немалое количество людей стремятся оправдать явное зло. Но внушают оптимизм как большое число ак-

тивных противников аморальных акций, так и то, что такие акции уже не оставляют основную часть наших сограждан безучастными, показывая, что *уровень толерантности к злу*, нараставший с конца 1980-х годов, явно начинает снижаться. Конечно, наша страна непредсказуема, и сейчас трудно судить о том, какая из проявляющихся в ней многочисленных и разнонаправленных тенденций возобладает в будущем. В любом случае современная Россия находится лишь в начале длинного и трудного пути к *возрождению нравственности*, но хочется надеяться на то, что этот путь ею начат.

В подобных условиях перед психологической наукой и практикой сохраняются прежние задачи: доказательство губительного влияния безнравственности на общество, изучение конкретных морально-нравственных проблем, поиск путей их решения и др. Но возникают и новые задачи, такие как выявление результативности тех мер по возрождению нравственности, которые предпринимаются в современной России, аргументация необходимости их более широкого и последовательного применения, поиск ресурсов переубеждения их противников, выявление эффективных социально-психологических механизмов воздействия на уровень нравственности в обществе и др.

Современная психологическая наука неизбежно в значительной мере становится участником *идеологической борьбы*, отвечая на вопросы о том, что плохо и что хорошо для нашего общества. Идеологиемы, вокруг которых ведется эта борьба, хорошо известны, порождены псевдолиберальной идеологией и достаточно глубоко внедрены в наше общественное сознание в результате ее доминирования в 1990-е годы. Это идеи о том, что «запреты неэффективны», «свобода личности имеет приоритет над общественным благом», «можно все, что не запрещено законом», «значимость человека в условиях рыночной экономики предопределена тем, сколько он зарабатывает», «школа должна оказывать образовательные услуги, а не заниматься воспитанием» и т. п. Каждая из подобных идеологем имеет не только морально-нравственный, но и собственно психологический смысл, и именно психология должна выработать аргументы в решении, например, вопроса о том, нужна ли вообще система воспитания, можно ли ее построить на одних лишь поощрениях, обходиться вообще без запретов и наказаний, и других подобных проблем.

Если психологии, как ее призывает, например, С. Московичи, надлежит стать *социально релевантной наукой*, то ей следует задаваться такими, имеющими первостепенную социальную значимость